

Среда, 17 марта 1993 года

Вет. Москва

Повод поговорить

нофонда. Вот в Японии, откуда мы только что вернулись с гастролей, на культуру не скупятся, даже если эти затраты сегодня убыточны. Завтра, считают японцы, они окупятся вдвойне: здоровьем нации, ее духовностью, умением работать, профессионализмом. Там не стесняются признаваться в том, что, к примеру, Россия богаче гениями — они с огромной любовью относятся к нашей музыке, драматургии, классической литературе. И приглашают к себе российских музыкантов, артистов, чтобы познакомить с ними свой народ, чтобы дать ему культуру.

— Малый театр целый месяц играл в Токио, Осаке, других городах. Как вас принимали?

— Честно признаться, когда

роватые казенные бумажки.

Соломин опять сел на своего любимого конька, заговорив об уважении к зрителю, просто к человеку, о нередком у нас и уж во все непростительном пренебрежении к детям.

Вот недавно ради политических новостей отменили «Спокойной ночи, малыши!» на телевидении. Юрий Мефодиевич считает этот факт возмутительным: обманули сотни тысяч ребятишек, сколько слез в тот вечер пролилось!

— Политику вполне можно сократить, передвинуть. А детская сказка должна быть, что бы ни случилось!

Правда, к детским передачам у него есть немало претензий — часто они бывают весьма глупы-

ЮРИЙ СОЛОМИН — КАВАЛЕР ЯПОНСКОГО ОРДЕНА

Когда за граница во всеуслышание восхищается кем-нибудь из наших соотечественников, это, чего греха таить, приятно. Очень уж мало в последнее время стало поводов для гордости — сплошные «гуманитарные» унижения. Поэтому, узнав, что почитаемый в народе актер и художественный руководитель Малого театра Юрий Соломин удостоен редкой международной награды, мы поспешили с поздравлениями в Дом Островского.

В КАБИНЕТЕ, где старинная зеленая мебель, а в клетках поют птицы, Юрий Мефодиевич открыл коробочку: на темном бархате возлежал орден неопределяемой красоты, с бело-красной шелковой лентой и именной надписью на оборотной стороне. Из диплома на французском языке, прилагаемого к ордену, мы узнали, что он учрежден Академией искусств Японии совместно с Францией и вручается за вклад в мировую культуру. А Юрий Соломин добавил, что такая награда есть всего у 36 человек на Земле, из них — у двоих русских. Два года назад получил ее Борис Покровский.

Жаль, что после торжественной церемонии в Японии мантию пришлось вернуть, не то наш фотокорреспондент Ростислав Федоров непременно снял бы Юрия Мефодиевича во всем облачении. А так вышло: Соломин — отдельно, орден — отдельно.

Раз уж речь зашла о наградах, я не преминула вспомнить, что лет этак шестнадцать или семнадцать назад Юрий Соломин и Максим Мунзук вместе с Акиро Курасавой были объявлены лауреатами голливудской премии «Оскар» за фильм «Дерсу Узала». Юрий Мефодиевич в ответ на это печально вздохнул.

— О своем «Оскаре» я узнал по факту, из прессы. Никто из официальных лиц меня не поздравил, не пригласили, как это водилось, в «высокий» кабинет, не пожали руки со словами: «Большое спасибо за то, что вы сделали для Родины». Не предложили даже подержаться за предназначавшуюся мне золотую статуэтку или хотя бы сфотографироваться с ней.

Прошло время, и я забыл обо всем этом. Но тут как-то увидел по телевидению голливудское шоу вручения «Оскаров» (сейчас их регулярно показывают), и сердце защемило. Я понял: у меня украли звездный час. Больше как у актера у меня такого никогда не будет. Популярность — это одно, а звездный час — совсем другое.

— Иногда задумываешься, отчего же у нас в стране к людям отношение такое...

— Я абсолютно уверен: от отсутствия культуры в крови. По всему это видно. Вот съезд депутатов проходил. Огромные деньги в него, как говорится, вбухали. А посмотрите, как эти люди не умеют беречь свое и чужое время, как не научились слушать друг друга, да просто лаконично излагать свои мысли. Государственные деньги надо вкладывать не в «темную дырку», их бесследно поглощающую, а в культуру, образование и медицину. Надо думать о создании ге-

фирма «Джапан Артс» пригласила на гастроль, я сначала засомневался. Последний раз были там недавно — всего два с половиной года назад, и тогдашний успех мог не повториться. Но, как выяснилось, опасения были напрасны — повсюду, где бы мы ни выступали, были аншлаги. Играли три вещи: «Царь Федор Иоаннович», «Вишневый сад», «...И азы воздам». На спектаклях было очень много интеллигенции — ученых медиков, филологов, людей, изучающих русский язык, студентов. Они приходили за кулисы, выражали свой восторг. Почтили нас своим вниманием и члены императорской фамилии, и бывший посол Японии в СССР. А нашего, российского, посла, почему-то не было...

— А у японцев принято дарить цветы после спектаклей?

— Цветами нас буквально завалили. Билеты, кстати, были довольно дорогие.

Юрий Мефодиевич, видимо, что-то вспомнив, порылся в бумагах на столе и показал билеты на представления Малого театра, изготовленные фирмой «Джапан Артс», — продолговатые изящные карточки из глянцевитой плотной бумаги, на каждый спектакль — разного цвета, с изображением главных действующих лиц в виньетках.

— Это опять к вопросу о культуре, — заметил он, — Я когда такое вижу, начинаю расстраиваться, по-хорошему завидовать. Какие круги приходится пройти, чтобы заказать пригласительные на юбилей какого-нибудь нашего замечательного актера. А уж об обычных билетах не говорю — се-

ми. Однажды в Париже Юрий Мефодиевич видел, как перед детьми с телевизионной сказкой выступал знаменитый французский актер Жан Рошфор. Вот бы у нас эту передачу вели Табаков, Ефремов, Смоктуновский, Ульянов...

Мы говорим — по ассоциации — о нынешнем тяжелом положении актеров, интеллигенции, которая опять по своему заработку отброшена далеко вниз.

— Недавно из театра ушел молодой водитель, — рассказывает Соломин. — Решил парень жениться, и его, конечно, можно понять. Теперь он работает на каком-то предприятии и получает зарплату в три раза больше, чем Елена Николаевна Гоголева. А она — живая история русского театра, и мы должны ее беречь. Это наше достояние.

А молодежь, будущее нации? Кто из талантливых ребят сможет сейчас приехать учиться в Москву, к примеру, с Дальнего Востока при стоимости проезда 30—40 тысяч рублей? Сколько мы потеряем — считал ли кто-нибудь?

— Вы продолжаете мыслить, как министр, как государственный деятель?

— Да нет, просто как нормальный человек, как педагог с тридцатилетним стажем, как родитель. Если об этом не думать, то мы не имеем права на существование. Ради чего тогда жить? Для того, чтобы поесть, выпить, поспать? Все мы когда-нибудь уйдем в мир иной. Что останется после нас? Об этом надо думать!

Беседовала
Марина МАЦКВИЧЕНЕ.

